

Глава 4

Волосы женщины были уложены в замысловатую, высокую причёску, украшенную заколками насыщенного синего и темно-зеленого цветов. При всей своей изысканности, подобная укладка давно вышла из моды — нечто подобное можно было увидеть разве что в старых исторических драмах.

Под стать причёске был и макияж: вычурный и безнадежно устаревший. Веки густо покрывали ярко-зеленые тени, брови были вздернуты в театральном изгибе, а губы сияли персиковой помадой. Издалека она напоминала павлина, который из последних сил пытается распушить поблекший хвост.

У Юэ Цяня было острое зрение, и он без труда разглядел глубокие борозды морщин, которые не мог скрыть даже плотный слой тонального крема. Это был старый, увядающий павлин.

Её небесно-голубой пуховик, уже изрядно поношенный и застиранный до белесости, утратил былую яркость. На его фоне лицо, покрытое слоями кричащей косметики, казалось неестественно ярким, будто голова существовала отдельно от тела.

Старик Юэ тоже заметил гостью. Прислонив метлу к стене, он окликнул её:

— Чжэньхун, ты чего это сюда забрела?

Женщина, которую звали Лю Чжэньхун, вдруг расплылась в широкой улыбке и, вихляя бедрами, направилась к ним. Было заметно, что это грациозное движение она репетировала многократно, но годы брали свое — суставы утратили былую гибкость, и теперь её походка напоминала движения перекошенного кубика Рубика.

Заметив её приближение, старик сделал шаг вперед, заслоня собой внука. Юэ Цянь посмотрел на затылок деда.

«Это защитная поза. Неужели старик Юэ считает, что Чжэньхун может быть опасна?»

— Пришла вот соседей с праздником поздравить, — проговорила та. Голос её, хриплый и низкий, словно пропущенный через грубую наждачную бумагу, резал слух.

Когда она заговорила, дряблые мышцы лица натянулись, и тональный крем, вместо того чтобы маскировать изъяны, сработал как магнитный порошок у криминалистов, лишь четче обрисовав каждую морщинку.

— Поздравить, значит... Ну хорошо, поздравляй! — старик Юэ церемонно сложил руки в приветственном жесте. — И тебя с праздником! Счастья и процветания!

Взгляд Лю Чжэньхун скользнул мимо старика и остановился на Юэ Цяне, глаза её азартно блеснули.

— Ой, неужто это наш Цянь-цзы? Глядите-ка, как вымахал!

Она попыталась обойти деда, но тот быстро преградил ей путь. Собеседница недовольно нахмурилась:

— Ты чего это? На любимого внука и глянуть нельзя?

Юэ Цяню поведение деда показалось излишним. Чжэньхун хоть и выглядела не совсем в своем уме, но что эта пожилая женщина могла ему сделать?

— Сестра Чжэньхун, — произнес он. — С Новым годом вас.

Женщина замерла. Она приоткрыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Старик Юэ тут же подтолкнул внука в спину, зашептав:

— Мал еще, не носи чепухи! А ну в дом!

Юэ Цяня вытолкали во двор, но Лю Чжэньхун продолжала смотреть ему вслед, и в её глазах вдруг заблестели слезы.

— Хорошо! Хорошо! С Новым годом! — она разразилась громким хохотом, резким и дребезжащим, точно криканье утки.

На шум начали выглядывать соседи. Люди провожали её взглядами, но никто не спешил здороваться. Она же, словно приняв переулочек за театральную сцену, кружилась, смеялась и, встречаясь с кем-нибудь глазами, выкрикивала свои хриплые поздравления.

Окружающие с трудом скрывали брезгливость и неловкость, но, соблюдая приличия, вынужденно бросали в ответ короткое «С Новым годом».

Её появление словно накрыло оживленную улочку мрачной тенью. Лишь когда женщина наконец скрылась за поворотом, треск петард возобновился с новой силой, сопровождаемый язвительными выкриками: «Старая ведьма!» и «Женщина-демон!».

Юэ Цянь всё еще пытался разглядеть её в конце переулочка, когда внезапно получил от деда легкий щелчок по лбу. Он потерял саднящее место:

— Только что дедулей называл, а теперь уже дерешься?

Тот посмотрел на него с нескрываемым гневом:

— Ты что, забыл, кто такая Лю Чжэньхун?! Нашел с кем связываться! Еще и «сестрой» её назвал... Ты совсем с катушек съехал?

В молодом человеке проснулся профессиональный азарт следователя.

— Ты же сам говорил, что она меня в детстве на руках нянчила, — осторожно заметил он. — Что плохого в том, чтобы поздравить человека?

Губы старика мелко задрожали, он явно хотел что-то сказать, но осекся, словно какая-то тайна не позволяла ему вдаваться в подробности.

— Что не так, дедуля? — Юэ Цянь приобнял его за плечи, стараясь говорить помягче. — Я же теперь за ум взялся. Я полицейский, мне по долгу службы полезно с разными людьми общаться и понимать их.

Дед за последние дни проникся к внуку доверием, видя, как тот повзрослел, и лишь тяжело вздохнул:

— Лю Чжэньхун — женщина несчастная. Но, как говорится, в её бедах есть и её вина. Мне-то с ней общаться не зазорно, а ты — парень молодой. Держись от таких подальше, не навлекай беду.

Она выросла на глазах у старика Юэ. Когда он начал вспоминать её молодость, лицо его надолго застыло в суровом молчании.

В те годы деревня Цзячжи прозябала в еще большей нищете, чем сейчас. Дороги к цивилизации не было, люди жили в изоляции, полагаясь лишь на государственную помощь.

В округе не было школы, а у жителей — ни малейшего желания учить детей. Самого деда Юэ в свое время буквально силой заставили сесть за парту, хотя он был уже переростком. Обучение мальчиков давалось с таким трудом, что о девочках и речи не шло.

Лю Чжэньхун с малых лет росла писаной красавицей. Несколько деревенских семей заранее положили на неё глаз, надеясь заполучить в невестки, когда та подрастет. Однако её мать, наслушавшись рассказов передовых работниц в городке, твердо решила дать дочери образование. Девушка надежды оправдала: она стала одной из немногих учениц, посещавших занятия наравне с мальчишками.

Поначалу соседи лишь посмеивались над семьей Лю: мол, зачем девке грамота? Сколько книг ни прочти, всё равно замуж идти да чужим людям детей рожать. В те времена бытовало твердое убеждение, что математика девичьему уму не подвластна, а без неё хороших отметок

не видать. Но дочь семьи Лю утерла им носы: она соображала в цифрах лучше любого парня в деревне.

В тот год, когда старик Юэ устроился подсобным рабочим в поселковый участок, Лю Чжэньхун поступила в престижную городскую школу, став настоящим «фениксом», выпорхнувшим из глухого ущелья. Деревенские и поселковые кавалеры ей больше не подходили. Руководство отдела образования ставило её в пример и убеждало родителей отдавать дочерей учиться.

Старик Юэ время от времени слышал новости о ней: в городе она тоже была среди лучших, добилась освобождения от платы за учебу и жилье, а на Новый год привозила подарки от учебного заведения. Три года спустя девушка поступила в знаменитый технологический вуз в другом регионе и каждый год получала стипендию.

Когда она училась на четвертом курсе, вся деревня знала: Чжэньхун нашла работу и собирается забрать родителей в город. К тому времени дед Юэ уже стал помощником полицейского, работы было невпроворот, и сплетни его интересовали мало. В следующий раз это имя всплыло в разговорах лишь тогда, когда стало известно о тяжелой болезни матери Лю.

Семья к тому моменту уже перебралась из деревни, и старик Юэ не знал подробностей случившегося. Прошло еще несколько лет, и она внезапно вернулась. Одна.

Если бы не тот факт, что она вошла напрямик в старый двор семьи Лю, никто бы не узнал в ней прежнюю талантливую красавицу. Она тащила за собой огромный чемодан; волосы были уложены в нелепую высокую прическу, лицо скрывалось под слоем кричащего грима, а на ней было кружевное платье цвета фуксии — вылитая девица из дешевого ночного клуба.

— Почему она одна? Неужто не замужем? А дети?

— Куда делись её родители? Где муж?

— Она же городская теперь, чего её обратно принесло?

Вмиг она стала главной темой для пересудов. Женщина никогда не отвечала на вопросы о своем прошлом. Каждый день, меняя наряды, она дефилировала по округе, постоянно заговаривая с мужчинами, особенно ей нравилось заигрывать с молодыми парнями. Порой она уезжала в городок и пропадала там на несколько дней.

Постепенно прозвище «женщина-демон» сменилось на «старую ведьму».

Деревенские женщины люто её ненавидели, боясь, что она соблазнит их мужей. Мужчины же не прочь были пофлиртовать с ней, но в глубине души презирали.

Как-то раз сразу несколько человек заболели или получили травмы после игры в маджонг с

ней. Пошли слухи, будто она владеет черной магией. С годами она подурнела и постарела, и теперь даже дети обходили её стороной.

Так она и жила в старом доме родителей. Её когда-то яркие и модные наряды давно выцвели и вышли из моды, но она продолжала их носить. Вся она напоминала старую, подмокшую под дождем газету с фотографией королевы красоты.

В голосе деда слышалось сожаление — он никак не мог понять, как блистательная Лю Чжэньхун могла так опуститься. Но дело было прошлое, и сейчас судьба собственного внука заботила его куда больше.

— Бог знает, чем она там у себя занимается. Кто-то заглядывал к ней в дом — говорят, там полно всякой чертовщины. Не ровен час, и впрямь колдует, — старик серьезно посмотрел на Юэ Цянь. — Да и со связями у неё нечисто, липнет к молодым. Она тебе в матери годится, а ты её «сестрой» величаешь. Прицепится — не отвяжешься.

— Да ладно тебе, не преувеличивай! — отмахнулся Юэ Цянь.

Вспомнив взгляд собеседницы в тот момент, когда он назвал её «сестрой», он задумался. В этом взгляде было нечто сложное, какая-то растерянность. Его чутье следователя не уловило враждебности — скорее, едва уловимую, хрупкую благодарность.

— Еще как преувеличиваю! — вспыхнул дед и принялся снова читать внуку нотации.

Юэ Цянь с улыбкой пообещал впредь обходить Лю Чжэньхун седьмой дорогой, и только тогда старик успокоился.

На следующее утро Юэ Цянь поднялся ни свет ни заря. Он приготовил завтрак: лаоцзао хэбаодань с ароматными шариками из рисовой муки, а в дополнение сделал две порции густого соевого молока из злаков. Видя, что ленивый внук научился готовить, старик Юэ даже прослезился от умиления.

После трапезы они собрались на кладбище — навестить могилы бабушки и родителей. Старик уложил в корзину фрукты и сладости, но вдруг замер как вкопанный. Юэ Цянь решил было, что того накрыла тоска по близким, но дед лишь хлопнул себя по лбу:

— Совсем голова дырявая стала! Благовония и ритуальные деньги купить забыл.

В самой деревне такие вещи не продавали, нужно было ехать в поселок.

— Ань Сю ведь этим промышляет? — вспомнил Юэ Цянь. — Может, у него дома глянуть?

Дед засомневался. Ань Сю и впрямь изготавливал ритуальные принадлежности, но готовую продукцию обычно сразу отвозил в специализированные магазины, так что неизвестно, осталось ли что-нибудь.

Юэ Цянь был человеком действия:

— Дедуля, ты дома подожди, а я мигом смотаюсь разузнаю.

— Ах ты, паршивец! Совсем старика не уважаешь! — беззлобно буркнул тот ему вслед.

Юэ Цянь подкатил на трицикле к дому семьи Ань. Тишина. Он разбежался и легко перемахнул через невысокую ограду. Двор, где раньше грудями лежали бумажные подношения, опустел. Ни души.

Молодой человек уже собирался прыгнуть обратно, когда за спиной раздался негромкий смешок. Обернувшись, он увидел Инь Мо, который с интересом наблюдал за ним снизу вверх.

— И что это за воришка к нам пожаловал? — с усмешкой спросил он.

Юэ Цянь тут же спрыгнул на землю:

— А где Ань Сю?

— Есть к нему дело?

Юэ Цянь бросил взгляд за спину собеседника. Тот появился со стороны заброшенного двора семьи Инь, причем Юэ Цянь не услышал ни единого шага. Весь в черном, лицо бледное — вылитый черный кот с белой мордочкой.

— На могилы собрались, а благовоний и бумаги нет. Хотел прикупить, — честно ответил он. — Раз хозяина нет, пойду тогда.

— Пока до поселка доберешься, уже вечер настанет, — заметил Инь Мо. — В праздники такой товар нарасхват, можешь и зря проездить.

Юэ Цянь посмотрел на собеседника. В его взгляде читалось нечто покровительственное, словно он забавлялся с котенком или щенком. Будь на этом месте «оригинал», он бы, вероятно, буркнул что-то вроде «не твое дело» и ушел. Но нынешний Юэ Цянь был куда рассудительнее. Он сделал пару шагов вперед:

— Хочешь сказать, у тебя есть способ мне помочь?

Видимо, не ожидая такого прямого ответа, Инь Мо удивленно выгнул бровь. Несколько секунд они молча изучали друг друга, после чего тот развернулся:

— Иди за мной.

Никто в деревне, кроме матери и сына Ань, не решался переступить порог этого дома, но Юэ Цянь, не испытывая ни малейшего трепета перед суевериями, спокойно вошел следом. Инь Мо оглянулся на него, явно пораженный такой решительностью.

Внутри здание вовсе не казалось таким мрачным, как живописали соседи. Просто старая постройка, в которой давно никто не жил. Проводник завел гостя в парадную залу и указал на большой ящик:

— Бери сколько нужно.

Ящик был доверху набит ритуальными деньгами, благовония лежали в стороне. Юэ Цянь пришел за покупками, но само жилище интересовало его куда больше. Здесь совершенно не чувствовалось жизни — дом превратился в склад. У стен были аккуратно сложены венки, виднелось несколько бумажных домиков.

Даже у закаленного следователя в таком месте мороз пробежал бы по коже, останься он здесь на ночь. А этот человек возник здесь спозаранку... Неужто он здесь и ночевал?

— Ты что, здесь ночь провел? — поинтересовался Юэ Цянь.

Инь Мо прислонился к столу и скрестил руки на груди:

— Неужели я так тебе интересен?

Юэ Цянь хмыкнул и, достав пластиковый пакет, принялся укладывать в него пачки бумажных денег, после чего перешел к благовониям.

В комнате воцарилась тишина — пугающая и гнетущая. Чтобы сбросить оцепенение, он спросил:

— Это всё Ань Сю мастерил?

— Думаешь, я сам не умею? — отозвался собеседник. — Я в этом деле побольше него смыслю.

Юэ Цянь внимательно осмотрел бумажные изделия. Домики были стандартными, но помимо них здесь были фигурки животных, кухонная утварь, модели компьютеров, телефонов и даже

роскошные яхты с драгоценностями. Он не был знатоком ритуального ремесла, но понимал: «жизнь» в загробном мире представлялась весьма разнообразной. Когда в детстве он с дядей сжигал подношения на могилах родителей, ему и в голову не приходило отправить им на тот свет яхту.

«Жаль. Знал бы раньше, прихватил бы парочку. Интересно, если сжечь их здесь, дойдут ли они до родителей в его родном мире?»

— Присмотрел что-нибудь по вкусу? — голос Инь Мо раздался у самого уха. Он неслышно, точно призрак, возник за спиной, и его дыхание коснулось шеи.

Юэ Цянь лишился дара речи. Задавать такие вопросы живому человеку было, мягко говоря, странно.

Поняв его мысли по выражению лица, Инь Мо снова усмехнулся:

— Все мы там будем. Почему бы не подготовиться заранее? Лучше уж самому выбрать товар, чем полагаться на наследников. А ну как ты на том свете «Пепси» захочешь, а они тебе по ошибке «Колу» пришлют?

— И такие заказы принимаешь? — недоверчиво спросил Юэ Цянь.

— Смастерить бутылку колы из бумаги — пара пустяков.

— Смотри, засудят за нарушение авторских прав — без штанов останешься.

— ...

Впервые Юэ Цянь увидел на лице собеседника подлинное замешательство. Одержав маленькую победу, он почувствовал себя гораздо лучше и в отличном настроении зашагал к выходу, помахивая пакетом.

— Эй, — окликнул его Инь Мо.

— Что еще? — бодро отозвался тот.

Инь Мо что-то нажал в телефоне и развернул к нему экран с QR-кодом оплаты:

— С тебя сто юаней. Будь любезен.

— Почему так дорого? — Юэ Цянь нахмурился, доставая свой мобильник.

— В праздники работа по тройному тарифу оплачивается, — с улыбкой парировал тот.

Ему ничего не оставалось, как попытаться оплатить. Но... старый разбитый телефон наотрез отказался сканировать код. Пошарив по карманам, он наскреб лишь немного мелочи. Положение стало донельзя неловким.

За всю свою жизнь Юэ Цянь ни разу не попадал в такую ситуацию из-за денег. Лицо его вспыхнуло — воистину, и героя может погубить отсутствие сотни юаней.

— Слушай... возьми пока это. Остальное я у деда перехвачу и занесу.

Инь Мо принял мелочь и неспешно пересчитал:

— Одиннадцать юаней и пятьдесят фэней.

Он не стал настаивать на немедленной выплате, лишь бросил вслед уходящему:

— За тобой должок — восемьдесят восемь пятьдесят.

— Отдам!

Увидев, что внук и впрямь раздобыл всё необходимое, старик Юэ расплылся в улыбке, но, услышав про долг, так и подпрыгнул:

— Да он тебя обобрал!

— И что теперь? Пойти обратно требовать?

— Ладно уж, бог с ним. Сначала дело сделаем.

Родовое кладбище семьи Юэ находилось на горе за деревней. Юэ Цянь ожидал увидеть тихий заброшенный погост, но гора кипела жизнью. Повсюду были люди, треск петард не утихал ни на минуту — атмосфера напоминала шумную ярмарку. Дед привычно разжег огонь, разложил подношения. Юэ Цянь посмотрел на фотографии на надгробии, и на миг его охватило странное чувство.

С портретов на него смотрели незнакомые лица. Это не были его родители. Он уже смирился с мыслью, что попал в параллельный мир, но одинаковое имя и внешность мешали до конца осознать реальность происходящего. И лишь теперь, глядя на чужую семейную пару, он окончательно понял: теперь он — совсем другой человек.

Он опустился на корточки у костра и вместе с дедом принялся сжигать ритуальные деньги. Старик Юэ вполголоса беседовал с покойными. Обычно он только и делал, что ворчал на внука, но сейчас хвастался им перед предками, говорил, что тот повзрослел и стал очень славным парнем.

Закончив все обряды, старик отправился поболтать с друзьями. Юэ Цянь в одиночестве бродил по деревне, трепал по заправке Да Хуана и помогал ребятишкам поджигать петарды. Цю Цзиньбэй со своей городской подружкой всё так же не выпускали телефонов из рук, снимая каждый свой шаг. Лю Чжэньхун надела под голубой пуховик фиолетовое ципао и, что-то напевая себе под нос, прогуливалась по улицам.

Повсюду царил дух праздника, и каждый дом был полон вернувшихся на родину людей.

<http://bllate.org/book/15837/1428000>